

Сажу перед компьютером на своём рабочем месте. Передо мной на мониторе раскрытая папка с файлами, озаглавленная коротко и сухо: «НЕЛ-60». Это материалы для вёрстки очередного номера альманаха «Новый Енисейский литератор», присланные мне, как обычно, в работу главным редактором. Но круглое число в названии папки почему-то не даёт сосредоточиться, отвлекает на воспоминания о событиях более чем десятилетней давности.

Шесть десятков номеров... В пересчёте на годы — это почти целая жизнь. Но сколько же в эти шесть десятков вместились реальных человеческих жизней, судеб, встреч, путешествий, маленьких и больших радостей, светлых или горьких печалей...

Кажется, что всё начиналось словно бы вчера. И вместе с тем полное ощущение, что за это время прошла целая эпоха. Эпоха под названием «НЕЛ»...

...Морозное январское утро 2007 года. Перебираю дома листочки формата А4 с отпечатанными накануне на принтере строчками. Потихоньку нервничаю.

Строчки на листах — это стихи. Я, во всяком случае, искренне так считал. Мои собственные. Первые. Родившиеся как-то неожиданно для самого себя в последние три-четыре месяца. Вчера они, извлечённые из блокнотиков и отдельных смятых клочков бумаги, в коих пребывали доселе запечатлёнными авторским почерком из разряда «курица лапой», перечёркнутыми и переправленными на десять рядов, впервые предстали передо мной в печатном виде, пусть и посредством домашнего принтера.

Перед новогодними праздниками случайно узнал о новом литературном издании, появившемся в краевом центре, и в голове забродила шальная мыслишка попытать счастья на предмет публикации. Мыслишка трансформировалась в

отчаянно-безрассудный прыжок в пропасть, то есть в звонок редактору. Итог превзошёл все ожидания: мне была назначена встреча в редакции!

И вот я стою перед дверью указанного мне офиса. Робко стучусь, робко вхожу. Поджилки трясутся, ладони предательски потеют. За несколько секунд успел с десятков раз пожалеть, что ввязался в эту авантюру, и столько же раз испытать какой-то не изведанный доселе восторг. Неудивительно, что разговор с главным почти не запомнился, всё действие происходило словно в тумане. Осталось в памяти только то, что «лучшие» (на мой дилетантский взгляд) опусы были безжалостно отброшены в сторону, а то, что считал незначительным, предложено к опубликованию...

Невозможно забыть ни с чем не сравнимый запах только что вышедшей из печати книжечки, внутри которой — впервые! — можно прочесть и собственную фамилию, и собственные мысли и чувства, прятавшиеся ранее в недрах личного стола, а ныне вынесенные на свет Божий для всеобщего обозрения и, возможно, обсуждения (или осуждения).

А затем у человека, всю свою жизнь доселе проработавшего в тишине лаборатории, нарушаемой лишь лёгким гудением включённой аппаратуры, и считавшего себя крайне нелюдимою и некоммуникабельною личностью, началась совершенно иная жизнь. И определялась эта жизнь на девяносто процентов незаурядною активностью редакции и авторского коллектива нашего альманаха. Публикации, разъезды, выступления, творческие вечера — по различным уголкам краевого центра, по городам и весям всего огромного сибирского края — и встречи, встречи, встречи... Встречи и знакомства с огромным количеством особого рода людей — людей пишущих, разной меры таланта, вкуса, предпочтений и так далее, но объединённых в душе своей одной великою страстью — любовью к русской литературе.

Однако это десятилетие, к огромному сожалению, осталось в памяти не только радостью встреч и общения с близкими по духу и крови. Случались за это время и тяжёлые моменты — моменты утрат и прощания с теми, кто, казалось, навсегда вошёл в твою жизнь, в твоё сердце — так, что не оторвать никакими силами от него ставшего родным человека.

И сейчас, оглядываясь назад и размышляя о будущем, хочется вспомнить добрым словом пусть не всех, но хотя бы некоторых из тех, с кем свёл на жизненном пути альманах и чей путь пролегает уже не по брэнной земле, а где-то в недоступных нам горних высотах...

Вениамин Карпович Зикунов. Поэт, прозаик, журналист и просто хороший, добрый человек. Это был первый из, прямо скажем, маститых писателей, патриархов красноярской литературы, который обратил внимание на меня, начинающего и робкого, очень серьёзно поддержал и даже написал предисловие к моей дебютной книжке стихов, нашёл по-отечески добрые слова, назвав «искренним поэтом», за что мой низкий ему поклон.

Выход нашего альманаха Вениамин Карпович встретил с большим одобрением, сам публиковался в нём. Мне довелось поработать над его книгой «Никишкины крылья», вышедшей в серии «Библиотека „Енисейского литератора“» и ставшей, к сожалению, последней его книгой. Так вот, читая рассказы и миниатюры, вошедшие в неё, я поражаюсь тому, насколько всё, что он описывал, то, каким языком он это описывал, отличалось от того, что в подавляющем большинстве лежало на полках книжных магазинов. Жил писатель в Дивногорске и писал об окрестных местах, о местной природе так увлекательно и волшебно, что дух захватывало от восхищения. Я даже не выдержал и написал стихотворение, ему посвящённое, где охарактеризовал его как «Поэта, пишущего прозою» (самому Карпычу оно, кстати, очень понравилось).

Так распорядилась судьба, что совсем недолгим оказалось наше общение — всего лишь около года. Но в памяти моей остался он мудрым учителем, наставником, давшим толчок и путёвку в неизведанную, новую жизнь.

Вениамин Карпович ушёл от нас в 2008-м...

Николай Алексеевич Лухтин. Искренний, добрый, отзывчивый, очень скромный и очень простой в общении. Однажды, редактируя его рассказы-воспоминания для альманаха, я допустил грубую ошибку, исправив по всему тексту один из специфических речных терминов с правильного авторского

варианта на неверный (мне, разумеется, казалось всё наоборот) и так и опубликовав это. Николай же Алексеевич не стал раздувать из этого скандал, а очень мягко, наедине, указал мне на неточность. Я бросился проверять в словарях — и, естественно, прав оказался автор. Именно после того случая я перестал слепо доверять своим познаниям и на десять рядов перепроверяю даже, казалось бы, хорошо знакомые вещи, за что благодарен Николаю Алексеевичу безмерно.

Покинул наш мир Николай Алексеевич в 2010-м...

Борис Дмитриевич Туров. Ещё один дивногорский автор, поэт, художник, с которым свела судьба в лице альманаха «Новый Енисейский литератор» и подарила искреннюю и тёплую дружбу. С дивногорцами вообще у нас как-то сложились особые, очень тесные и доброжелательные отношения. Город буквально наводнён людьми талантливыми в самых разных областях — город строителей, поэтов, художников, музыкантов...

Борис Дмитриевич часто приезжал к нам в Красноярск, мы же очень любили приезжать в гости к нему и другим дивногорцам, где нас всегда принимали как родных людей, тепло и гостеприимно. И в своих картинах, и в стихах воспевал он невероятной, поистине дивной красоты природу, которой окружён этот сибирский город.

Дома у меня хранятся его книги с дарственной надписью и одна из картин, подаренных от его имени супругой Бориса Валентиной Васильевной уже после его ухода в 2010 году...

В том же несчастном году покинула нас и Рита Масленникова. До чего же это был светлый,

Юбилей Б. Турова. Дивногорск, 2008 год
Б. Туров — сидит в центре, М. Масленникова — стоит за ним

**Маргарита Масленникова и
Анатолий Василовский**

жизнерадостный, лучезарный человек! Певица, актриса, поэтесса, организатор, общественный деятель... На что только не хватало энергии этой хрупкой, даже тщедушной амазонки!

Она часто была ведущей наших творческих встреч и презентаций. И если есть коллективная душа у сообщества увлечённых одним делом людей, то Рита была её светлой, солнечной стороной. Рядом с ней

всегда было легко и празднично, даже тогда, когда ей самой было уже, наверное, нечеловечески больно и трудно в этом мире.

Мне довелось редактировать единственную её книжку стихотворений «До». И должен сказать, что, хотя в этом качестве через меня за последующие годы прошло значительное количество рукописей красноярских авторов, ни с одной книгой не работалось так легко, непринуждённо и даже весело, как с Ритиной.

Помню свой разговор с ней наедине на нелёгкую для обоих тему, мои тщетные попытки уговорить заняться своим здоровьем, лечением... Тема разговора, что и говорить, была мрачной, но её глаза даже в эти минуты не прекращали вспыхивать озорными искрами.

Мы всегда помним о тебе, хороший человек...

Не могу не вспомнить замечательного Анатолия Михайловича Василовского, композитора-песенника, исполнителя, поэта, мастера дружеских, а порой и довольно едких эпиграмм. Был он и моим другом, и большим другом нашего альманаха.

Первая встреча с ним произошла в феврале 2007 года. Меня, накануне впервые в жизни, с судорожными подёргиваниями рук и коленок и обильным потоотделением, выступившего со своими стихами перед публикой (это была очередная презентация тогда ещё «Енисейского литератора», без приставки «новый», в краевой библиотеке), пригласили на сбор литобъединения «Енисейские острова», базировавшегося там же, в краевушке. Помню, когда для ознакомления прочёл что-то о любви, сидевший неподалёку элегантно-немолодой мужчина с довольно длинными волосами ехидно, как мне показалось, заметил вполголоса: «Что, и тебя не обошли знаменитые „кровь — любовь“?»

Однако уже через короткое время довольно близко сдружились, вплоть до того, что, несмотря на разницу в возрасте в двадцать с лишним лет, он почему-то категорически запретил называть себя по имени-отчеству («Андрюш, никаких отчеств, только Толя!»). Был первым, кто написал музыку на стихи вашего покорного слуги, но к тому же ещё и сделал студийную запись, с аранжировкой, всё по-взрослому, и торжественно вручил мне диск с этой записью.

Сколько его помню, всегда был подтянут, элегантен и бодр на людях. В 2011 году этот мир покинул...

Нина Александровна Шальгина. Известная в крае поэтесса, долгое время жившая в Зеленогорске и руководившая местным литературным объединением «Родники», затем переехавшая в краевой центр и организовавшая здесь вместе с сыном творческое объединение «Керосиновая лампа».

С ней я был знаком, пожалуй, наиболее близко по сравнению с остальными, поскольку года полтора-два буквально жил у неё дома, приезжая практически каждый день и по многу часов обсуждая, редактируя и её, и свои опусы, споря или соглашаясь со взглядами на поэзию, литературу и искусство вообще, а также слушая бесконечно интересные воспоминания и байки о прошлом. Рассказать ей действительно было о чём. А познакомил нас... ну, разумеется, непосредственно Сергей Кузичкин. Интересной и противоречивой была Нина Александровна. На первый взгляд — солидная дама в возрасте, любительница всяческих салонных ритуалов,

аристократической атрибутики, устраивавшая приёмы с приглашением наших оперных звёзд и других знаменитостей и так далее. А с другой стороны — как же часто в ней проявлялись озорные чёртики в глазах, какая-то детская непосредственность, умение тонко пошутить или разыграть.

Я долго, не один месяц, помогал ей в работе над трудом всей её жизни — романом, который она определяла как семейную сагу, под названием «Царский подарок», где прослеживала судьбу своих предков от глубины веков до наших дней. Это, скажу без преувеличения, было захватывающим погружением в историю отдельно взятого родового дерева, переплетённого и корнями, и кроной с историей как Российской империи, так и государства, из которого мы все родом, — СССР. В нынешнем мире, где редко кто знает свои корни дальше дедушек и бабушек, уже за один подобный труд, я считаю, человеку можно ставить памятник.

В 2013 году Нины Александровны не стало. Случалось всякое за время нашего сотрудничества: помню, и злился я на неё, бывало, и искренне восхищался, — однако всегда и с подавляющим преимуществом перевешивал невероятный позитив, исходящий от этой женщины...

Сергей Петрович Ставер. Мне особенно тяжело говорить об этом. Вроде и был-то в моей жизни этот человек совсем недолго — последние лет семь-восемь из прожитых пяти с половиной десятков. Но вот бывает так, что иных людей знаешь почти всю жизнь — и остаёшься как-то равнодушен к этому знанию, и достаточно спокойно воспринимаешь и их присутствие, и их отсутствие. А бывает совсем по-другому. Иной человек встретится тебе в жизни считанное число раз — и такой в душе след оставит, что всю жизнь потом и радуешься этим коротким встречам, и терзаешь себя сомнениями, в чём же причина такого глубокого душевного взаимопроникновения.

В моей судьбе было не так уж много подобных, я бы сказал, драгоценных и счастливых встреч. И не так уж много тех людей, когда практически с первого знакомства каждая встреча с ними сопровождается каким-то невероятным внутренним ощущением радости, желанием общаться вновь и

вновь, не важно где и как — на официозных ли мероприятиях, мельком ли на улице, на дружеской ли попойке. Именно одним из таких людей стал для меня искренний патриот русской земли, известный поэт из Назарово Серёжа Ставер буквально с первой встречи.

В нашем альманахе Сергей был не просто активным автором, но и представителем редакции по западной группе районов края.

Доводилось мне общаться с ним в совместных творческих поездках по краю, чествовать его на его юбилее, посчастливилось однажды провести совместный творческий вечер (благодаря опять же нашему главреду), шальной писательской оравой ходить вместе в гости к общим друзьям, ночи напролёт разговаривать о поэзии и просто о жизни у меня дома, сидеть за одним столом на официальных праздниках и на праздниках коллег по цеху... И каждая такая встреча сопровождалась удивительным чувством, которое можно, наверное, назвать родством душ.

Когда мне вдруг позвонили из Назарово и сообщили чёрную весть, было просто невозможно поверить. Было чувство потери очень родного, очень близкого человека. Неверно написал «было». Это чувство во мне до сих пор...

Ушёл из жизни Сергей совсем недавно, в 2016-м...

Да, быстро летит время. Конечно, далеко не всех я вспомнил в этих заметках, с кем пересекался — и воочию уже не

С Сергеем Ставером

смогу это сделать — на «НЕЛовских», и не только, путях-дорогах. Например, одного из выдающихся красноярских прозаиков Бориса Михайловича Петрова, каждый раз подмигивавшего мне при встрече: земляк, мол, не тушуйся (оба учились в вузах в славном городе Куйбышеве, ныне Самара). Или железногорскую поэтессу Нину Герасимовну Гурьеву, признававшуюся автору этих строк, что испытывает какое-то родственное, душевное тепло при общении. Или ушедшую буквально только что (весть об этом пришла, когда я заканчивал эти заметки) изумительную Любовь Семёновну Шейко, блестящего знатока и ценителя оперного искусства, которая просто заворожала меня воспоминаниями своей московской юности и которой я даже позвонил как-то, чтобы встретиться как-нибудь специально и послушать её рассказы, так сказать, живьём, — увы, не довелось...). Сколько же таких встреч с удивительными людьми, нашими земляками, подарила мне судьба. Мы помним вас, друзья наши, помним ваши лица, ваши жесты, ваши слова, ваши книги. И пока живы, будем помнить. Пусть у вас — там — всё будет хорошо...

А жизнь течёт своим чередом, жизнь продолжается, как продолжается и биография альманаха под названием «Новый Енисейский литератор». Многие, очевидно, подумают, что я употребил здесь не совсем верное сочетание слов: как совместить эти понятия — «биография» и «альманах»? Но сейчас, наверное, уже не только сотрудникам, членам редколлегии и авторам, но и многим читателям становится ясно, что альманах наш — существо живое и вполне одушевлённое, поэтому и применимы к нему уже все те черты и понятия, которые обычно мы относим к отдельно взятому человеку. Он улыбается и шутит, радуется и смеётся, грустит и даже порой плачет — чего только не встретишь на его страницах, в его душе.

И дай Бог ему ещё многих и многих жизненных сил, выпусков, лет, читателей, а вместе с ним, конечно, и его авторам, поэтам и прозаикам, художникам и всем творческим людям. Ведь именно они и составляют его биографию и его душу.